

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

АВГУСТ

МОСКВА
1939

Уполя. Главлита А—16182.
Сдано в набор 25/VII—39 г. Подписано к печати 14/VIII—39 г.
18 печ. листов 28,9 авт. листа. Тираж 80.000. Зак. 2081.
Технический редактор Е.Т. Верхоробенко.
Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
Москва, Пушкинская площадь, 5.

Дело №¹

ВЛ. ЛИДИН

★

I

Площадь пустела, и ночь тонко застилала освобожденное небо. Только золотая надпись рекламы бежала над крышей четырехэтажного дома, неутомимо приглашая домохозяек сдавать утиль. У стоянки таксомоторов прибавлялось машин. Желтоватые огоньки домовито теплели над счетчиками. Кончало свою работу метро.

Шофер второго таксомоторного парка Стрельцов, только-что отъездивший пассажиров в Лефортово, вернулся к месту стоянки. Потухли прожекторы, освещавшие площадь. Площадь стала просторной, полной теплой и короткой ночи июня. Шел еще вдоль бульвара, роняя ядовитые зеленые искры, последний трамвай. Стрелка на круглых электрических часах подергивалась, незаметно смыкая ночь с рассветом. Стрельцов, недавно еще работавший сборщиком на авторемонтном заводе, воспользовался передышкой, поднял боковину капота, прочиетил свечу, — она досаждала ему с самого утра. Потом он сел на свое место и прикурнул. Привычка была шоферская — спать, бодрствуя.

Вскоре к нему подошли пассажиры. И по той же шоферской привычке определять людей он без особой готовности повернул в их сторону голову. Это были

худые, оба на одно лицо, — один в гимнастерке, другой в русской рубашке, — девятнадцати- или двадцатилетние паренки, обычно на одинаковый манер завершавшие веселый вечер; у одного из них был в руке патефон, — а в шоферской его, Стрельцова, практике уже случалось не раз, что портили пьяные машину.

— Нам, товарищ, до Кунцева, — сказал без особой уверенности один из них.

— За город не поеду, — ответил Стрельцов коротко.

— Почему? Деньги у нас есть. Хотите, могу уплатить вперед? — И паренек в гимнастерке торопливо полез в карман за деньгами. — У меня заболела сестра, сейчас принесли телеграмму. А поезда нужно ждать до утра.

Оба они очень взволновались, что шофер отказывается их везти, навеселе они не были, и Стрельцов согласился наконец довезти их до Кунцева.

Арбат был пустынен, с Москва-реки у Бородинского моста пахло речной свежестью. И вскоре голубой, бесплотной темнотой легло впереди Можайское шоссе, автострада. Пассажиры сидели молча, даже напряженно, и Стрельцов поверил, что необычное обстоятельство вынудило их в ночной час направиться за город. Спидометр скакнул. — барахливая свеча была прочищена, машина делала шестьдесят километров. Еще нажим педали — она легко взяла семьдесят. Он сбавил газ. С полей несло запахами

¹ По материалам раб-крест. милиции. Полностью печатается в сборнике «Моя милиция».

нескошенных трав. Одиноким красным огонек машины, шедшей впереди, уносился в синеву ночи.

— Вам в Кунцеве какое место? — спросил Стрельцов, не поворачивая головы.

— Нам только до поворота, не стоит сворачивать, там мы сами дойдем, — заторопился паренек.

И Стрельцов подумал еще, что с патфоном к заболевшей сестре обычно не ездят, но за время шоферской работы привык он к разным делам и поступкам людей и давно перестал удивляться чему-либо. Пошли корпуса фабрик, красное здание больницы, подъезжали к Кунцеву.

— Вот здесь на углу можно остановиться, отсюда нам близко.

Стрельцов остановил машину, и пассажиры расплатились, даже не поглядев на счетчик. Потом шофер развернулся и поехал обратно к Москве. Уже рассветало, он потушил огонь. Голубое и тихое, широко уходило шоссе к Москве, белея обочинами и столбиками с автомобильными знаками. Он поднял переднее стекло, поехал неспеша. — свежесть расцвета обильно неслась навстречу. Не хотелось даже закурить папироску. Москва, еще не отпустив ночь, уже начала жить. Ехала, вся в полукругах широких струй, поливочная машина: два человека, уже вполне готовые ко дню, шли по тротуару; из голубого фургона выгружали возле булочной хлеб. Стрельцов поглядел на часы, — время его дежурства кончалось, он мог возвращаться в гараж.

У Смоленской площади он посадил попутного пассажира, — с красными глазами, помятый и нетрезвый, просил его какой-то голенастый гражданин довезти до Земляного вала. И по набитой папке с жактовскими делами Стрельцов, по той же шоферской профессиональной привычке, определил в нем загулявшего управдома. Он довез человека до Земляного вала, выслушал терпеливо несколько горьких сетований, что жулик-народ пошел, оставили его на дармовщинку какие-то приятели Сеннин и Петр Георгиевич в ресторане «Ливорно», — и поехал в гараж.

II

Жизнь в учреждении начиналась в восемь часов утра. Сухонькая и аккуратная, первой приходила курьерша Полина Семеновна. Как торопливый веничек, успевала она до девяти вычистить все уголки, вытряхнуть корзинки со смятой бумагой, потом стереть пыль, налить в графины кипяченую воду, содрать испачканную чернилами промокашку с пресс-бюваров, разлить из огромной бутылки жирные фиолетовые чернила по чернильницам, смести окурки.

И так же, в девять, точный и размеренный, приходил астматический старичок-артельщик с громкой и воинственной фамилией Скобелев, потом счетоводы, бухгалтер; экономист-плановик в пенсне со шнурочком, закинутым за ухо; юрисконсульт, первым начинавший накручивать вертушку телефона; наконец, управляющий.

Кассир, немолодая и полногрудая Елена Ивановна, заходила в свою уединенную клетушку; со вздохом открывалась дверка несгораемого шкафа, распаивалось полукруглое окошечко кассы — начиналась жизнь. Все было, как обычно, в это июньское утро. В обычном порядке появились сотрудники, знакомым движением вскрыл в руках юрисконсульт свежий номер «Известий», привычно была сломана на несгораемом шкафу сургучная печать, со стуком кастаньет встряхнуты счеты; день был платежный.

Все в несгораемом шкафу — а кассир любил тщательность, точность — лежало в порядке. Внизу, на нижней полке, — документы; в сторонке — платежные ведомости, внутри — за второй дверкой — чемоданчик с деньгами. Деньги — шестьдесят восемь тысяч — были получены накануне из банка. Часть пачек была распечатана: зарплату начали выплачивать с вечера. Остальные туго лежали в дешевом фибровом чемоданчике кофейного цвета. Кассир взял из чемоданчика несколько пачек, разложил деньги по достоинству в ящике своего стола, приготовился к выплате. Толстый синий карандаш ставил птички возле фамилий сотрудников. В день выдачи зарплаты

все в учреждении обычно веселели. С деньгами сразу возникали планы необходимых покупок, уплаты долгов,—молоденькие сотрудницы просовывали в окошечко кассы оживленные носики, хрюхтя,—позднее всех,—получал свои деньги юристконсульт Никольский, и долго, подагрическими пальцами, листал и пересчитывал бумажки и даже просматривал их на свет привыкший к обращению с деньгами артельщик Скобелев. День шел неспеша, кассир тучно и надежно высился в окошечке кассы, и секретарь отнес управляющему в его кабинет причитающуюся ему зарплату.

В четвертом часу дня денежные операции были закончены. Выплачена зарплата сотрудникам, оплачены счета, внесены оплата за электроэнергию, аванс за пользование транспортом,—начинался подсчет. Сухо, пистолетными выстрелами, защелкали костяшки счетов позади закрытого окошечка кассы. Из чемоданчика были вынуты оставшиеся деньги, разложены стопками,—все было всегда в порядке в этом хозяйстве кассира. И каждый, кто видел ее пухлые руки, листающие бумажки, ее пенсне, строго воздетое на переносицу, опрятность сидящих волос, разделенных пробормом, придирчивую строгость к документам и подписям, убеждался, что порядок цифр ни разу не был нарушен в ее пятидесятидвухлетней безупречной жизни.

На этот раз, однако, произошло нечто, даже не испугавшее ее в первый миг. Итог подсчитываемых денег не сошелся на тридцать две тысячи. Она заглянула в чемоданчик, выдвинула ящики стола, стала шарить в шкафу. В ящиках лежали в бумаге остатки недоеденного завтрака, коробочка с пудрой, мешочек с серебряной мелочью; в шкафу—ведомости, документы, оплаченные счета, облигации займов. Тогда с методической неспешностью она снова начала пересчитывать все эти сложенные пачки денег, и опять итог не сошелся на тридцать две тысячи... Ее спокойное лицо покраснело, седоватая прядь выбилась из прически. Теперь так ожесточенно защелкали позади закрытого окошечка кассы костяшки счетов, что двое из сотрудни-

ков подняли головы. Казалось, Елена Ивановна неистовствовала в своей клетушке кассира. Затем она появилась сама, с лицом перекошенным, растрепанная и стремительная. Она на ходу отстранила рукой поднявшегося было ей навстречу секретаря и вошла без доклада в кабинет управляющего.

— Александр Николаевич,—сказала она торжественно и обличающе,—в кассе недостает тридцати двух тысяч рублей.

Потом она села и некоторое время бессмысленно глядела на металлическую крышку чернильницы, помогавшую ей сосредоточить внимание. Только впоследствии, отпивая воду из поднесенного ей стакана, она поняла, что напугала управляющего своим видом.

— Успокойся, товарищ Цветкова, и вспомним все по порядку,—сказал он покровительственно.—Сколько вы получили вчера денег из банка?

— Шестьдесят восемь тысяч.

— Сколько выплачено вами по зарплате? Какие вы производили еще платежи?

Все было снова подсчитано, опять летели костяшки счетов, опять бухгалтер проверял денежные документы и выплаты—в кассе неоставало тридцати двух тысяч... Елена Ивановна, потная и растрепанная, сидела возле своего—обычно недоступного для посторонних—стола, на котором хозяйничали теперь чужие руки.

— Нам остается предположить ваш просчет, товарищ Цветкова,—сказал на этот раз без обычного снисхождения управляющий.—Печать на шкафу была утром цела?

— Да, цела.

— Значит, деньги из шкафа похищены не были.

Четверть часа спустя управляющий вместе с бухгалтером покинули тесную ее клетушку. Они прошли мимо столов, за которыми сидели притихшие сотрудники, и дверь кабинета управляющего закрылась.

III

В девять часов утра открывались широкие стеклянные двери универсама. До-

жидавшаяся часа открытия толпа устремлялась по его отделением. Еще подвозили тележки с товарами и сучали в этот утренний час продавщицы мороженого, но уже накапливались толпы возле прилавков с обувью, мануфактурой, носильным платьем, бельем. Покупатели—в большинстве по-летнему одетые женщины—щупали ткани, приценивались, выбирали пуговицы и кружева, примеривали обувь, проверяли действие электроприборов. Но опытный взгляд привычного к многолюдству наблюдателя отмечал уже в утренней и торопливой толпе первые недоброкачественные ростки. Торопливо, как бы используя перерывы в трудовом дне, появлялись молодые люди, зачастую подростки,—в тубетейках и майках, — льющие к людям, как бы высматривающие повею их голов, какие товары лежат на полках, в то время как незаметно нащупывалась в карманах пиджаков, в портфелях, в дамских сумочках и чемоданчиках легкая пожива... Громаден был город, многолюдно было его трудовое племя, и неизменно сопутствовал ему этот сорняк, который день за днем трудолюбиво выпалывали и перевоспитывали.

Сотрудник уголовного розыска Ярцев, бывший милиционер, затем воспитатель в колонии для беспризорников, успешный за двадцать шесть лет своей жизни изучить повадки и поступки преступных людей, их падение и пути возвращения в жизнь, начинал свой обход уже наполненного людьми магазина. Все было, как обычно, в этот утренний час. С сухим треском проворачивали электрические кассы цифры, в обувном отделе сидели на низеньких диванчиках покупатели, поставив ногу в носке на скамеечку; подывали настраиваемые радиоприемники, и в музыкальном отделе любители патефонных пластинок прослушивали русские хоры и вальс «Бубенчики».

Он шел неспеша, присматриваясь к толпе, сразу отмечая в ней тех, кто был ему нужен. Вот парнишка в майке шало протискивался среди покупателей, как бы высматривая, какие товары лежат на полках; другой такой же парнишка, работавший с ним в паре, наблюдал в

стороне. На пожилую железнодорожницу, стоящую в очереди в кассе, наваливался, как в полусне, высокий, словно разомлевший от духоты, человек. Она считала бумажки, равнодушная к этому напору и не понимая истинного его смысла. Две девчонки со вздернутыми носами прилаживались в отделе галантереи к легкомысленно повешенной на руку женской сумочке...

Шла деятельная и незаметная очистка толпы. Мало ли по какому поводу могут спокойно и даже учтиво выводить парнишку в тубетейке или хлюпающую курносую девчонку,— может быть, она потеряла деньги, или вышло у парнишки недоразумение с кассиршей.

Так привел Ярцев в это утро шесть человек, еще отпирившихся или оспаривавших свои преступления. Он хорошо знал и первоначальную наглость, сменяющуюся усмешечкой, и запирачество, выдающее себя воровскими словечками. По склонности несколько шире приглядываться к людям, так или иначе остановившим его внимание, он заметил между прочим двух молодых людей, примеривавших в обувном отделе полуботинки. Привычка логически определять человека заставила предположить в покупателях или случайных удачников, выигравших, например, по облигации займа, или неопытных франтов, желавших шегольнуть перед кем-то обновкой,— умения распоряжаться деньгами у них явно не было. К тому же оба торопились и купили в придачу пару дорогих женских туфель, нетвердо зная, какой номер им нужен. Зрительная память на лица, натасканная профессиональной привычкой, могла бы для него с точностью воспроизвести лица этих двух покупателей и много позднее.

В четвертом часу из управления милиции прислали автобус, и полтора десятка запиравшихся или с усмешкой признавших и свои клички, и прежние приводы людей были отправлены по назначению.

IV

Инспектор и двое сотрудников уголовного розыска явились через полчаса после телефонного вызова. Учреждение

было полно необычайного смятения. Суровая и гордая безупречностью своей жизни, Елена Ивановна сидела, как обычно, за кассирским столом. Но опытный глаз мог заметить на ее лице следы пудры,— в сторонке все же всплакнула эта мужеподобная и привыкшая скрывать свои чувства старуха.

Инспектор и один из сотрудников осмотрели несгораемый шкаф. За день его захватили руками. Следы пальцев были все одинаковы: следы руки кассира. Возле ручки замка остался коралловый сургучный наплыв от сломанной утром печати.

— Кем была сорвана сегодня утром печать? — спросил инспектор кассира.

— Мной, как обычно, — ответила та с достоинством.

— Кто запечатывал шкаф накануне?

— Тоже я, как обычно.

— Что вы заметили утром, когда явились в помещение кассы?

— Ничего особенного я не заметила.

— Печать на шкафу была цела?

— Да, цела.

— Без всяких повреждений?

— Без всяких повреждений.

— Вы можете показать мне бечевку, которой был опоясан шкаф? — спросил вдруг инспектор.

— Да, конечно...

Она заторопилась. Из корзины для бумаги полетели смятые листки, яичная скорлупа—остатки ее завтрака, — на дне лежала бечевка с обломками печати на концах. Инспектор взял бечевку и тщательно, сантиметр за сантиметром, стал пропускать ее на ощупь между пальцами. Внезапно движение его рук замедлилось: в одном месте на бечевке оказалось утолщение, похуже на узелок. Он достал лупу, и крохотный узелок с тщательно подрезанными бритвой краями ясно обозначился на бечевке.

Инспектор, привыкший за пятнадцать лет своей работы логически и точно расчленять все человеческие поступки в зависимости от характера, темперамента, мнимой правдивости или бурной лживости совершившего их,— казался, заскучал: прямых следов совершенного преступления не было, явился он

поздно, когда все следы были в течение рабочего дня уничтожены, кассирша сидела перед ним прямая и пылающая, готовая к нападению и к отпору. Но он вяло и очень учтиво, сразу успокоив ее этим равнодушием и даже скукой в голосе, спросил у нее:

— Сколько у вас имеется ключей от шкафа?

— Ключ у меня один, — ответила она резко.

— И другого ключа нет ни у кого?

— Я же сказала вам: ключ у меня один.

— Покажите мне ключ.

Она с пятнами на щеках (ее честность бралась под сомнение!) достала ключ. Инспектор внимательно осмотрел этот ключ.

— Ключ на вид новый, а шкаф весьма старый... шкаф Меллера. Каким образом у старого шкафа мог оказаться новый ключ?

Вдруг она вспомнила:

— Я забыла сказать, что в прошлом году, зимой, ключ был потерян... не мной, а моим заместителем, замещавшим меня во время моей болезни: я болела аппендицитом.

— И?... — Его как бы все еще дремавшие очень умные глаза вопросительно поглядели на полное, в красных пятнах лицо кассирши.

— И был заказан новый ключ.

— А старый ключ?

— Его так и не нашли.

— Вы уверены?

— Да, конечно, я уверена... он был потерян вне учреждения, и, если бы кто-нибудь даже и нашел его, он был бы для нашего бесполезен.

Инспектор не сделал никакой записи. Рука его в сером рукаве гимнастерки только слегка поиграла пальцами по столу. Первые логические ниточки, как первоначальная основа пряжи, слабые начинали сходиться: рисунка еще не было.

— В вашем учреждении в котором часу кончаются занятия? — спросил он, погодя.

— В четыре часа.— Она достала платок и мужским движением вытерла лоб и щеки.—Извините, товарищ, я несколько

«о волнуясь... в моей, знаете ли, жизни это первый случай.

Но он остался равнодушен и к этому внезапному изложению чувств.

— Кто остается в вашем учреждении после окончания занятий? — спросил он затем.

— Остается курьерша — для уборки, потом внутренняя охрана — артель... в этом доме, как вам, вероятно, известно, помещается несколько учреждений.

— Из кого состоит эта охрана? Персонально? — спросил он.

— У нас обычно дежурят двое: Дегтярев и Трофимов, оба хорошие общественники... вообще, парнишки с понятием. Я, конечно, не допускаю и мысли, чтобы в учреждение могли проникнуть посторонние люди! — продолжила она взволнованно.

Но человек так явно скучал, и так несвоевременно было это ее патетическое заключение, что она сразу смутилась и завяла. Она вдг устала. Ей не хотелось говорить. Молчание человека, внезапность его боковых вопросов ее утомили. Нечего сказать, хорошее происшествие для ее пятидесяти двух лет — и с ее сердцем! Теперь она пылала. Сердце пылало на щеки этот нездоровый румянец. Пальцы инспектора — ее поразила вдруг ширина его ногтей, почему-то больше всего говорившая ей о холодной выдержке человека, — еще поиграли по столу.

— Фамилия курьерши? — спросил он вдруг.

— Полина... Полина Семеновна.

— Я спрашиваю — фамилия? — повторил он нетерпеливо.

— Егорова.

— Дети у нее есть?

— Нет... она бездетная вдова... кажется... впрочем, я не уверена, — смутилась она.

Она ожидала дальнейших вопросов.

— Вы можете идти, — сказал он неожиданно. — Если вы мне понадобится еще, я вас вызову.

— Но позвольте... а как же с этим делом?.. Согласитесь сами... сотрудники имеют естественные основания, да и управляющий тоже, относиться ко мне с предубеждением, — взволновалась она.

— Поскольку вы остаетесь работать и с нашей стороны нет возражений, ваше положение ничуть не меняется. А сейчас пошлите сюда эту... Полину Егорову.

Она, пылающая и как бы запятнанная всей этой сдержанностью разговора с ней (а она ожидала шумного и взволнованного участия), покинула помещение кассы.

Инспектор остался один. Он поглядел на промокашку с отпечатавшимися в обратном порядке цифрами и жирной чертой итогов, потом на несгораемый шкаф и на широкую кумачевую полосу с лозунгом: «Все на первомайскую демонстрацию!», висевшую во всю стену над шкафом. Шел конец июня, а полотнище, вывешенное накануне 1 Мая, было незапылено, и складки на нем свежие. И эта подробность тоже в подборе второстепенных деталей была уложена на свое место. Потом он достал пертсигар, задумчиво постукал папироской о его крышку и стал заполнять человеческими фигурами пустующие места в логическом первоначальном рисунке.

V

Курьерша Полина Семеновна, сухонькая и низенькая, как десятилетний подросток, давно вдовела, жила бобылкой где-то на Матросской улице, на самом краю Москвы. От единственного сына она не имела вестей уже четырнадцать лет и считала его погибшим. Все во вдовьем ее облике было старческое: руки с синими жилами — рабочие, много потрудившиеся на своем веку, — руки; застарелая бородавочка возле заштрихованного морщинками носа; седые косицы волос из-под красной косынки; и вся эта настороженная готовность ничего (был грешок со слухом, после перенесенного гриппа начиналась глухота, которую она тщательно скрывала) не пропустить из вопросов.

И на вопросы она ответила точно: зовут ее Полиной Семеновной Егоровой; родилась в Елабуге. Живет в Москве с 1920 года, куда приехала с сыном спасаться от голода. Вдова, муж работал на цементном заводе в Вольске. Работала

сначала в качестве прачки, потом поступила курьершей в учреждение. В трудовом ее списке названы все учреждения, в которых за эти годы пришлось ей служить. Увольняли ее лишь по случаю ликвидации учреждений. Взысканий и замечаний не имела ни разу. В этом учреждении работает восемь лет в должности уборщицы, все ею довольны. Близких родственников в Москве не имеет. Она приходит в учреждение первой и уходит последней. На ней лежит уборка помещения, приготовление чая, хождение по отделам с разносной книгой, приемка корреспонденции и газет. Накануне того дня, когда приключилась пропажа, все шло нормальным порядком, посторонних в помещении кассы никого не было. Она, Егорова, находилась неотлучно весь день до самого закрытия учреждения за своим столом в коридоре, неогороженный шкаф был на ее глазах опечатан, кассир ничего не вынес с собой, кроме обычной своей дамской сумочки... Она мигала и старалась, возможно скорее и не задумываясь, — задумываются люди, которым есть что сказать, а ей скрывать нечего, — ответить на вопросы.

— Когда повешен был этот лозунг? — спросил вдруг у нее инспектор.

Она подняла глаза в направлении его протянутой руки и поглядела на лозунг.

— Когда повесили это? — Она впервые задумалась. Лозунг был повешен давно, затем снят, и на-днях — да, именно в тот день, о котором товарищ начальник спрашивает, — его повесили снова. Вешали его Николай Дегтярев и Сережка, оба из внутренней охраны; за чем вешали, она не знает. Было это в обеденный перерыв, когда кассир отлучился. А больше, честное слово, убей ее бог, она ничего не знает, и, кто тут на такое дело решился, она ума не приложит, может быть, кто-нибудь с крыши через трубу забрался, она даже в печку смотрела, но следов нет, напихана только старая бумага... И она начала было выкладывать множество неоспоримых своих предположений, но вдруг умолкла: рука инспектора приподнялась, сдерживая многоречивый ее поток.

— Скажите, Полина Семеновна, — спросил он (она даже поправила косын-

ку, польщенная этим обращением к ней по имени-отчеству), — как вешали молодые люди — Дегтярев и Трофимов, кажется? — этот лозунг?

— Как вешали? Обыкновенно вешали: поставили стол, на стол — стул, один поддерживал, другой вешал.

— Вы были при этом?

— В самой комнате не была, а издали видела.

— Что же вы видели? — полюбопытствовал инспектор.

— Что видела? Угол стола видела, ноги...

— Чьи ноги?

— Сережкины ноги, он вешал.

— Ну, а Дегтярева видели?

— Ну, тоже вроде как видела...

— То-есть как это — вроде? Видели Дегтярева в этот момент или не видели?

Она замаялась.

— Он ведь поддерживал, дверь-то целиком не откроешь, там стол стоял...

— Значит, Дегтярев был в это время скрыт за дверью?

— Ну, да... — она обрадовалась, что определение найдено, — конечно, скрыт.

— И сколько времени они вешали этот лозунг?

— Сколько вешали? Минут десять, пятнадцать... Молоточком стучали, это я слышала. — Вдруг она забеспокоилась: рука инспектора впопыхах что-то записала в блокнотике. — Товарищ начальник, а мне ничего не будет? Грех какой случился, ах, ах! — и она разохалась.

— Вы, Полина Семеновна, ни в чем не виноваты? — спросил инспектор, продолжая писать. — Ну, а если не виноваты, то ничего и не будет, — и веселая искорка вдруг блеснула и тотчас пропала в его глазу. — Вы можете идти.

И торопливо, охая и шуркая подошвами, — только бы пронесло! — она заторопилась к двери.

В половине седьмого вечера в этот же день у себя на квартире, в общежитии сотрудников артели внутренней охраны, был арестован свободный от дежурства Николай Дегтярев, 22 лет, беспартийный, родом из Самары, имевший одну судимость за кражу носильного платья

в самарском детдоме; и в тот же час арестован во время дежурства по охране учреждения Сергей Трофимов, 19 лет, судимости не имевший, проживавший в одном общежитии с Дегтяревым. При обыске ничего, кроме носильного платья и предметов домашнего обихода, у арестованных не обнаружено. Вещи все ношенные, за исключением двух пар совершенно новых полуботинок, купленных, очевидно, недавно. Все документы — паспорта, профсоюзные и членские книжки — в порядке. На сберкнижке, в сберкассе при Центральном телеграфе, у Дегтярева значится сумма в восемьсот шестьдесят пять рублей: и у Трофимова — тысяча. Последний взнос в сорок рублей у Трофимова и сто шестьдесят рублей у Дегтярева сделаны одновременно, именно накануне того дня, когда было обнаружено преступление.

Первый допрос Дегтярева был произведен в день ареста, вечером, в половине десятого.

VI

Николая Дегтярева, рыжеватого, с бегающими глазами, в гимнастерке, в сапогах, со значком ГТО на груди, ввели в кабинет инспектора уголовного розыска. Кабинетик был маленький, узкий. На столе груда папок с делами, чернильный прибор из уральского камня, пепельница, переделанная из алюминиевого поршня мотора. За окном, с переплетом решетки, — улица, вечерние огни. июньский вечер.

Инспектор дал арестованному освоиться. Это был самый нервный и решительный час, сейчас же по задержании, когда мысль еще не отстоялась и не выработала формул для ответов. Только мельком, — пока тот оглядывал комнату, — впечатлительным и примечательным взглядом инспектор отметил некоторые внешние особенности его лица: лицо было неправильное, с толстоватым носом, с очень красными губами, которые тот непрерывно облизывал (истеричность и чувственность). Кроме того, неумение принять устойчивую позу, заставлявшее вертеться и неловко примащивать себя на стуле.

— Николай Илиодорович Дегтярев? — спросил инспектор.

Дегтярев заерзал на стуле.

— Николай Илиодорович Дегтярев... Совершенно верно.

— Не припомните ли вы, Николай Илиодорович, как вы провели день позавчера и как вы провели вчерашний день? По порядку.

Дегтярев облизнул губы, — они тотчас же снова пересохли, повидимому.

— Как провел день позавчера? — спросил он затем, явно оттягивая ответ, чтобы обдумать смысл вопроса. — Был на работе, как обыкновенно, — сказал он неуверенно.

— До которого часа?

— Мое дежурство было с восьми утра до четырех.

— Хорошо. А потом что делали?

— Потом пошел домой... купил по дороге колбасы двести грамм, хлеба, масла сто грамм...

Он хотел быть для убедительности точным.

— Ну а еще... что еще вы делали после четырех?

— Потом что же делал?.. — Он задумался. — Потом поспал. Хотел сходить в кино, но в «Перекопе» шла старая картина, я ее уже видел.

Инспектор помолчал. Молчал и Дегтярев, — только по тому, как вытер он тыльной стороной ладони шею в растегнутом воротнике гимнастерки, видно было, что он волнуется.

— Вы с Трофимовым вместе живете? — спросил инспектор в упор.

— Вместе. В одном общежитии. Койка с койкой.

— Дружите с ним?

— А как же. Приятели.

— Секреты есть у вас друг от друга?

— Секреты? Нет, должно быть, нет. — Он вдруг испугался — к чему клонился этот вопрос? — То-есть у меня от Сережи секретов нет, — добавил он, как бы подкупая искренностью. — А как у него, не знаю.

— Ну, как думаете — есть или нет?

— Думаю, что нет.

— Значит, друзья, товарищи?

— Ну, конечно, товарищи.

— Когда у Трофимова кончилось дежурство позавчера?

— В 12 часов ночи, он после меня дежурил.

— Сменил вас?

— Ну, да, сменил.

— И после двенадцати он вернулся домой?

— Вернулся домой

— Вы еще не спали?

— Не спал.

— Что делали?

— Читал.

— Что читали?

— Книгу читал.

— Какую книгу?

— Как ее это... ну, не книгу, собственно, а журнал.

— Какой журнал?

— «Огонек».

— Что же там интересного вы прочли? Какой-нибудь рассказ, статью, очерк?

— Всего там было... я и не помню. Кроссворд решал.

— Кроссворд решали?

Он просиял.

— Именно. Я тут еще Сережку на счет некоторых слов спрашивал... по химии. Он химию недавно сдавал.

— И что же — пришел Сергей, вы решили кроссворд... потом что делали?

— Что делали потом? — Его глаза бегали. Он нашел наконец удобную позу и сидел, навалившись — как бы в душевном разговоре — грудью на стол. Какая-то внутренняя задержка и усилие преодолеть ее. — Потом вышли пройтись...

— Прогуляться?

— Ну, да, прогуляться.

— И до которого часа вы гуляли?

— Ну, час, может быть, два... не больше.

— Следовательно, если вы вышли в первом часу, то к трем часам ночи вы были уже дома?

— Конечно.

— А вот ваши соседи по общежитию показывают, что вы вернулись только в седьмом часу утра... как же это так?

Лицо Дегтярева вдруг залоснилось. Его толстый нос как бы мешал бегав-

шим глазкам, — они искали предмета, к чему себя прикрепить.

— Не может быть — в восьмом часу, — пробормотал он тупо. — Ну, час там, два, может быть, три прогуляли... самое большее.

— Не получается, Дегтярев... Николай Илиодорович. Ничего не получается. Припомните-ка лучше всё... по порядку.

И он снова заставил его повторить во всех подробностях, как они провели этот вечер.

Час спустя, сидя на этом же стуле, худой, с торчащими скулами, не поднимающий угрюмых глаз, Сергей Трофимов показал, что в этот вечер, часу в первом ночи, они решили навестить двоюродную сестру Дегтярева, жившую в Кунцеве. Решили погулять, взять такси. В Москве было душно. В этот день выдавали получку, так что деньги у них были. Так и поступили, взяли такси на Арбатской площади, поехали в Кунцево. В Кунцеве пробыли недолго, сестра оказалась больна, вернулись в Москву с первым утренним поездом, долго ждали его на станции. На вопрос, вносили ли что-нибудь в сберкассу в день полочки, показал обстоятельно, что он внес четырехста рублей (жалованье вместе с отпускными), а сколько Николай Дегтярев внес, не знает.

И с той же привычкой логически дорисовывать запутанный рисунок показаний инспектор отметил для себя, что руководителем всего дела, его душой, является Дегтярев, а этот скуластый, угрюмый паренек только поддался соблазну и уговорам. Деньги — тридцать две тысячи, недостающие в кассе, — были в купюрах, составлявших об'емистый, не по карманам, пакет. Поездка в Кунцево (на вторичном допросе Дегтярев показал, что это обстоятельство он сознательно скрыл, дабы не припутать больную сестру ко всему этому, — достаточно и того чистейшего недоразумения, что он сидит сейчас здесь и держит ответ по делу, в котором он не повинен...), поездка в Кунцево была, несомненно, вызвана необходимостью спрятать похищенные деньги. Дегтярев, а затем и Трофимов на

вопрос, что они везли с собой в Кунцево, показали, что у них ничего с собой не было.

Оставшись один, инспектор достал неспеша папироску, долго и старательно разминал в ней табак, но так и не закурил: какое-то новое обстоятельство его отвлекло. Он вдруг поднялся, открыл дверку шкафа и достал из него две пары новой обуви, взятой при обыске у арестованных. Обувь была в картонках, — хорошие дорогие полуботинки. На коробках сохранилась отметка какого-то универмага. Потом он вызвал сотрудника Ярцева, работавшего по надзору в универсальных магазинах.

— Товарищ Ярцев, надо выяснить, где куплены эти полуботинки, — сказал он ему. — Постарайтесь выяснить также, в какой именно день.

VII

Две коробки с обувью были обыкновенными, стандартными коробками ленинградской фабрики «Скороход». Отличительных признаков, где именно продана эта обувь, не было. Только на боковой стенке коробок в четырехугольной рамке фабричной разметки проставлены карандашом сорт, фасон и размер. Да в самом углу этой же рамки — небрежно вписанный порядковый номер.

Прежде всего надлежало выяснить, фабричный ли это порядковый номер, или проставлен в магазине. Заведующий отделом спецификации, приблизив коробку к близоруким глазам, старательно и долго рассматривал номер. С утра во все многочисленные отделы универмага развозились тележки с товарами. Галалитовые гребни и галантерейная мишура, галстуки-самовязы, патефоны и обувь московских и ленинградских фабрик; щетки работы кировских артелей, детские игрушки загорских кустарей, радиоприемники из Воронежа, фотоаппараты из Харькова, рыболовные сачки и подсачки, сплетенные астраханскими вязальщицами, кружева работы вологодских кружевниц, льняные скалтерти из Костромы, — пестрая и овеЩественная география страны, перекличка ее фабрик, артелей, заводов, не

успевавших насыщать могучий рынок, который поглощал ежедневно километры мануфактуры, сотни тысяч патефонных пластинок, обувь всех фасонов, размеров, сортов и даже теннисные ракетки, всегда значащиеся в числе дефицитных товаров...

Порядковый номер на коробке был проставлен на фабрике. Да, именно на фабрике. В практике универмага принято только проставлять цветным карандашом цифру соответствующего раздела по отделению. Вот эта цифра: красным карандашом — 42. Это пометка не их универмага, к сожалению. Человек говорил доверительно, даже шепотком, — дело было деликатное. Из универмага с теми же двумя коробками с обувью Ярцев начал обезд всех универмагов Москвы. Их было много, они вырастали на некогда самых отдаленных площадях и у бывших застав, преобразуя окраины. Дирекции универмагов имели право самостоятельной закупки товаров. В товарных книгах, хранивших записи всех этих многочисленных торговых операций, должны быть записаны номера фактур по поступившим товарам. Надо было выделить из груды подложенных в регистраторы фактуры фактуры ленинградской обувной фабрики «Скороход». В фактурах были проставлены порядковые фабричные номера отпускаемой обуви. Номера двух пар, которые возил Ярцев из универмага в универмаг, были: 35290 и 35313, — следовательно, имелась вероятность, что обувь доставлена в одной партии.

Старательно, фактура за фактурой, перелистывались эти груды тонких бумаг, которые как бы хранили в себе одно из слагаемых совершенного преступления. И цифры эти нашлись. На тонкой желтоватой фактуре, сопровождавшей очередную партию обуви, проставлены были номера 35150 — 35701. Это был один из универмагов в центре города, на пересечении двух больших, шумных улиц. По отпускной книге сейчас же установили: партия этой обуви поступила в продажу 9 июня. По ведомости были найдены и фамилии продавцов, работавших в этот день в отделе мужской обуви. Их было двое —

комсомолец Якимов и старый, опытный продавец Рыбаков, работавший еще до революции в обувном магазине. И Рыбаков сразу определил, что партия такой обуви была получена их отделением несколько дней назад и быстро распродана. Не припомнит ли он, старый, опытный продавец Рыбаков, по своей привычке запоминать покупателей, или, может быть, напряжет свою молодую комсомольскую память Якимов, — не было ли такого случая несколько дней назад: двое молодых людей, — следовало описание их наружности, — в одно время пришедшие приятели, очевидно, советовавшиеся друг с другом по поводу покупки, — не было ли такого случая, что оба они одновременно купили по паре полуботинок? — Ярцев ждал. Надо было вызвать в их памяти этот уже отделенный несколькими днями день. Это было 9 июня, четыре дня назад... позвольте, 9 июня, да, именно 9 июня он, Рыбаков, вернувшись с работы и отдохнув, привел к себе соседа-монтера, чтобы тот починил радиоприемник. От радиомонтера — в обратную сторону — пошла расшифровка миновавшего дня. Да, он припоминает, что в этот день были в их отделе два покупателя, пришли они вместе, вместе мерили обувь, и, кажется, он, Рыбаков, выписал им общий чек. Впрочем, это легко проверить — надо только просмотреть отпускные чеки обувного отдела за этот день. Были доставлены из бухгалтерии и эти чеки. Вот чеки, выписанные его, Рыбакова, рукой. Сто четырнадцать чеков за день — его работа. Он долго и внимательно изучал каждый чек. Его не посвятили в подробности дела, а следовательно, ему казалось, что все это в какой-то степени может касаться точности и добросовестности его работы. Его лоб с редкими седыми волосками запстел, пенсне висело на самом кончике носа.

— Позвольте, — сказал он вдруг, задержавшись над одним из выписанных его рукой чеков, — позвольте... я теперь вспоминаю! Вот чек на две пары полуботинок. Я отпускал эту обувь.

И, как проявленный негатив, чек убедительно заполнился вдруг в его памяти фигурами двух молодых людей, ко-

торых он, Рыбаков, мог бы, пожалуй, узнать в лицо.

— Ну да, совершенно верно... Они купили две пары обуви в моем отделе и одну пару женской обуви — в дамском. Мы это сейчас проверим... Вера Ивановна! — И он, возбужденный этой игрой своей памяти, тем, что он, может быть, способствовал раскрытию некоего важного дела, по-стариковски заторопился. — Припомните-ка, Вера Ивановна... — пальцы его рук, упершихся в прилавок, пришли вдруг в движение (это постукивание способствовало логическому развитию мысли), — четыре дня назад, 9 июня, двое молодых людей купили у вас без примерки пару фасонных туфель... вспоминаете?

Если бы речь шла об обычной покупке, продавщица не вспомнила бы. Мало ли кто примеряет за день, упершись ногой в нитяном или шелковом чулке в малиновую подушечку скамейки, шевелит в обуви пальцами и оглядывает в зеркале под уклоном свою преобразенную ногу? Но покупку мужчинами женской обуви — без примерки и без этого нервного ежеминутного требования показать еще и еще одну пару — продавщица запомнила. Да, двое молодых людей, и именно этой, описанной Ярцевым, внешности, купили в ее отделе пару дорогих дамских туфель — она даже вспоминает: туфли бежевого цвета, модель...

По отпускным чекам она нашла выписанный ею чек на пару дамских туфель ценою в 230 рублей.

Теперь к двум слагаемым прибавилось третье: именно 9 июня двое молодых людей купили одновременно две пары мужской и одну пару дамской обуви, уплатив за все три пары, в общей сложности, пятьсот восемьдесят рублей.

VIII

День перешел в вечер, и на столе инспектора деловым, скучным светом зажглась лампа. Только синий четырехугольник окна еще дышал июнем, теплом. И Дегтярева, которого снова привели для допроса, притягивала именно эта синяя витрина свободного мира,

полного движения, простора, гудков... Но простора не было. На том же месте, что и вчера, сидел человек, звездочки в его синеватых петлицах белели, только лицо было утомленным после долгого дня. Сейчас он снова возьмет карандаш, придвинет блокнот, сделает несколько деловых, равнодушных движений, устало откинется на спинку кресла. Но он не придвинул блокнота и не откинулся в кресле. Подперев голову рукой и продолжая читать, он вдруг спросил:

— Ну, как... надумали, Николай Илиодорович?

— Это насчет чего? — Дегтярев оживился.

— Все насчет того же... насчет этих денег.

Теперь человек слегка наморщил лоб, подняв глаза на очередного посетителя в его кабинете.

— А мне нечего думать... денег я не брал, а конечно, что вся эта петрушка заварилась и меня к ней пристегнули, — это понятно.

Рыжеватые глазки вдруг забегали, воротник гимнастерки стал тесен.

— А почему понятно?

— А потому, что раз я в детдоме в свое время... по глупости, конечно... взял пальто товарища, чтобы выйти на улицу, а тут такое дело пришили, что хотел я пальто насовсем унести... тут, конечно, вы мне и теперь не поверите.

— Нет, пальто тут, Дегтярев, не при чем... — сказал инспектор скучающе: начиналась знакомая и утомительная игра в непонимание, обиду и самолюбие. — А вы лучше скажите, почему вы на первом допросе скрыли, что ездили в Кунцево к двоюродной сестре? Кстати, как ее фамилия — вашей сестры?

Дегтярев помедлил, — какие-то новые, непредвиденные обстоятельства пришли в движение: болтал Трофимов, приплетал кого ни лень, это ясно.

— А мало к кому я ездил... всех зазря приплетать! — пробормотал он. — Ясное дело: поехал к сестре, ничего тут особенного нет... я ее семь лет не видел.

— И вдруг захотелось увидеть?

— Ну да, захотелось... а нельзя?

— Нет, отчего же... конечно, можно.

Вы так и не сказали, как фамилия сестры?

— А я фамилии не знаю... Первого мужа фамилию знал — Алексеев, а второго не знаю. Она только три года как замуж вышла.

— А где живет? Улица, номер дома?

— Ну, в Кунцеве живет... Только за чем ее к этому делу припутывать? Тут, кого ни лень, в одну кучу валят.

Но ему не ответили.

— Адрес помните? — спросили его снова минуту спустя.

— Адреса не знаю... так — найти могу, а названия улицы не знаю. В общем, пятый дом с угла, по левой стороне.

Теперь рука впервые записала на блокноте что-то.

— Это все, Дегтярев? Все, что вы хотели бы рассказать?

— А мне рассказывать нечего.

— Что ж, хорошо... подумайте еще о том, как вы хотите обмануть советскую власть. Вы где учились? — спросил инспектор еще как бы мельком.

— Сначала в детдоме... потом кончал семилетку.

— Деньги за учение платили?

— Нет, какие же деньги... — Дегтярев вдруг смутился.

— Значит, бесплатно обучала вас советская власть? Хорошо вы ей платите, по-сыновнему. — Инспектор вдруг позвонил. — Можете идти, — сказал он, больше на него не взглянув.

В таксомоторные парки Москвы звонили с утра телефоны. Сменялись диспетчеры и нарядчики, исписывались адресами блокноты, сотни машин устремились по вызовам, накапливались у стоянок, дежурили у вокзалов и театров или стояли в мастерских для профилактики и ремонта. Среди сотен шоферов и сотен машин в хаосе адресов, маршрутных графиков и нарядов надо было найти шофера и машину, на которой четыре дня назад — повидимому, между 12 и 2 часами ночи — двое молодых людей совершили загородную поездку в Кунцево. Сначала по нарядческим спискам гаражей были остановлены те шоферы, которые работали в

эту смену, то-есть в ночь на 9 июня. Их оказалось двести шестьдесят три человека. Сотрудники уголовного розыска, которым было поручено это дело, начали поочередный опрос всех двухсот шестидесяти трех человек. Сто восемьдесят шесть из них отпали в первую очередь, ибо за город никто из них в эту ночь не ездил. Оставалось семьдесят семь человек, совершивших в эту ночь с пассажирами загородные поездки.

Было девять поездок за Измайловский зверинец, по шоссе Энтузиастов, четыре поездки по Ярославскому шоссе — в Лосиноостровскую и Болшево; остальные поездки распределялись по Калужскому шоссе, — вызовы для рожениц из дачных местностей по Казанской и Киевской дорогам, — две поездки с врачами по срочному вызову. По Можайскому шоссе, то-есть в направлении к Кунцеву, в ночь на 9 июня было совершено четыре поездки шоферами Кузовлевым, Жигadlo, Стрельцовым и Сабинским. Они и были вызваны в тот же самый узкий кабинетик, к столу, с пепельницей из поршня мотора, — на допрос.

Шофер второй категории Жигadlo, тучный, немолодой человек, поработавший не в одном учрежденском гараже, показал, что в ночь на 9 июня он отвез по Можайскому шоссе в Немчиновку пассажира, — повидимому, задержавшегося на заседании бухгалтера или инженера, причем он, Жигadlo, сначала отказывался везти, но потом согласился. Шофер 3-й категории Сабинский, вертлявый и ненадежный парнишка, признался, что вез подгулявшую компанию — трех девиц и двух кавалеров, все были сильно выпимши, и он, Сабинский, потребовал от одного из пассажиров, чтобы тот скверно не ругался при женщинах, иначе он дальше не повезет. Шофер Кузовлев вез врача-акушера, за которым приехал муж роженицы, — тот всю дорогу волновался и торопил его, а врач был спокоен и его успокаивал. И только шофер Стрельцов показал, что его подрядили в ночь на 9 июня — было без четверти два, он хорошо помнит, что поглядел на Арбатской площади на

городские часы, — двое молодых людей, причем у одного из них был в руке патефон. («Может быть, чемоданчик?» — спросил инспектор. «Может быть, чемоданчик» — согласился Стрельцов. Было темно, фонари уже погасили, но ему показалось, что — патефон.) Он их довез до Кунцева и там высадил у обочины шоссе, никуда не сворачивая.

Итак, у одного из пассажиров был в руке патефон или чемоданчик. Допрошенный в свою очередь Дегтярев показал, что никакого чемоданчика или патефона у них с собой не было. Сергей Трофимов тоже отрицал, что был у них с собой чемоданчик, — везли они, действительно, сверток, но в нем было два килограмма клубники, которую купили они у Никитских ворот.

Теперь оставалось найти двоюродную сестру Дегтярева, фамилии которой — по второму мужу — тот не знал, или не захотел назвать.

IX

В десятом часу вечера инспектор вышел из машины у деревянного домика-дачки на одной из боковых улочек в Кунцеве. Дом был, повидимому, сдан на лето дачникам, на терраске четверо мужчин без пиджаков играли в карты, в саду висел провисший гамак. Хозяева жили в пристройке-сарайчике. Тошая, высокая женщина, с прядями волос, упавшими на щеки, вгляделась в вечернего гостя сквозь стеклянную дверцу пристройки.

Четверть часа спустя, напуганная этим посещением, с красными пятнами на впалых щеках, Неонила Петровна Семенова, по первому мужу Алексева, показала, что несколько дней назад, в ночь на 9 июня, действительно, ее неожиданно посетил двоюродный брат Николай Дегтярев, которого она не видела семь лет и которого даже не сразу узнала. Был он вдвоем с товарищем, звали того Сережей, а фамилии его она не знает. На ее вопрос, что означает этот поздний приезд, Николай ответил, что он ее долго искал, — по его словам, целых два часа, — а пришел потому, что уезжает надолго куда-то — не то на Кам-

чатку, не то на Сахалин — и хочет оставить у нее на сохранение некоторые вещи. Оба пробыли часа полтора, условились, что привезут вещи, и направились на станцию, чтобы с первым утренним поездом уехать в Москву. Больше показать она ничего не может. Был ли у них с собой чемоданчик? Нет, она не заметила... может быть, и был, ее разбудили, она перепугалась со сна, могла не заметить. Сделал ли Николай ей подарок? Да, он подарил ей пятьдесят рублей... она отказывалась, но он сказал, что это за сохранение вещей, у него есть хорошее, новое пальто, которое он хочет оставить здесь, и она взяла. Больше ей ничего не дарил.

Женщина была напугана, она оказалась причастной к какой-то темной и явно подозрительной истории с Николаем и открещивалась от каких бы то ни было дел и отношений с ним. В общем, был ли у них чемоданчик или не был, она не заметила; скорей всего — не было, иначе она обратила бы на него внимание. Пятьдесят рублей он ей подарил, это верно. Она вдруг озябла и запахивала на груди вылинявший цветастый капотик. Больше по этому делу она сообщить ничего не может. Не показалось ли ей все-таки странным, что после семи лет отсутствия ночью появился в ее доме двоюродный брат Николай, которого она сразу даже не узнала, хочет оставить на сохранение вещи, дарит ни с того, ни с сего пятьдесят рублей? Нет, конечно, это показалось ей странным, но мало ли какие случаи бывают в жизни!

Она уже освоилась, стала словоохотлива, с той нервической торопливостью в словах и движениях, которая выражает опасения человека, — только бы его не припутали к делу... И инспектор знал, что сейчас женщина начнет запертаться, отрицать малейшие побочные обстоятельства и даже лгать. Самым, однако, существенным было то, что муж ее несколько месяцев назад арестован. Именно по этому признаку, разобравшись в паспортном отделе кунцевской милиции, инспектор и нашел эту двоюродную сестру, второй фамилии которой Дегтярев не знал или не захотел назвать.

Деньги в доме оставлены не были. Это была уже логическая надстройка над последовательностью поступков Николая Дегтярева и Сергея Трофимова после ограбления ими несгораемого шкафа. В поисках, где можно сохранить временно деньги, они приехали сюда, в Кунцево, к двоюродной сестре одного из них, однако, узнав, что ее муж арестован, побоялись оставить в доме чемоданчик с деньгами и увезли его обратно в Москву. Но все это были только логика, опыт, знание человека, его растерянной, подавленной или возбужденной психики, — а решения не было. Тех последних улик, которые позволяли бы сказать, что деньги украдены именно Дегтяревым и Трофимовым, — улик этих не было. Деньги, тридцать две тысячи рублей, оставались найденными.

— Постарайтесь припомнить, гражданка Семенова... Неонила Петровна, кажется? — И инспектор мельком, привычно отмечая для себя поведение допрашиваемого, поглядел в лицо женщине. — Ничего, кроме пятидесяти рублей, Николай вам не дарил?

Была всего секундная задержка в ответе, может быть, нужная для того, чтобы набрать дыхание, но задержка эта могла означать и колебание.

— Нет, больше он мне ничего не дарил, — ответила она твердо.

— И дамских туфель он вам не дарил? — спросил вдруг инспектор в упор.

— Нет, больше он мне ничего не дарил.

Она отвечала с тем упрямством, которое значило, что больше она ничего не добавит. От туфель, подаренных ей, она на другое же утро постаралась избавиться: подарок Николая показался опасным, откуда у него деньги, почему он появился неожиданно ночью? Это могло быть так. Но могло быть и другое: в деле замешана еще какая-то женщина, для которой и предназначались туфли и у которой оставлен чемоданчик с деньгами.

— Больше вы ничего не имеете добавить? — спросил инспектор не сразу.

— Нет, ничего.

— Ну, что же... простите за беспокойство.

— А что он там такого натворил? — заторопилась вдруг женщина. — Господи, знала бы я, что такое дело, я бы его и в дом не пустила... Семь лет не появлялся, и — нате, пожалуйста! — такие неприятности!

Она причитала и шла за ним следом, непритворно ужасаясь тому, что Николай мог ее припутать к своим темным делам. Но Неонила Петровна Семенова, по первому мужу Алексева, 38 лет, родившаяся в городе Рыбинске, замужняя, не судившаяся, была инспектору уже неинтересна.

Осмотр ее дома, произведенный тотчас же, результатов не дал.

Х

Утром приходили в Москву поезда. С разбегу — со всех концов страны — влетали они в разрез московских домов, шли мимо фабрик, пустынных улиц городских окраин, по которым, как бы позевывая, проходили первые утренние и еще полупустые трамваи, — замедляли ход, останавливались у вокзальных, влажных от утренней поливки, перронов, распахивались дверями, доставляя толпы приезжих людей, с их чемоданами, корзинами, тюками, заботами, надеждами и предположениями. И уже через четверть часа волокось приезжими путевое добро в камеры хранения багажа... Кто разберется в этом скоплении пожитков, корзин, сундучков, чемоданов, похожих друг на друга, как братья, своими поржавевшими замками, стертými боковинами и коричневым или лягушастым цветом? Но именно сюда, среди мирного багажа пассажиров, сдавались поиспытавшие на своем веку чемоданы, набитые мануфактурой, трикотажем, бельем, которые опытные спекулянты переотправляли в провинцию... Находило здесь двухдневный или даже недельный приют и иное сомнительное барахлишко.

Чемоданчик с деньгами мог быть сдан и сюда, пока не отыщется более надежное место. Фамилия в приемных книгах, конечно, условная, поскольку документ

при сдаче не нужен. Признаки сданной вещи — маленький чемоданчик, размером не более патефона, — совпадают с признаками сотен таких же, на один фасон, чемоданчиков, рассованных по камерам хранения московских вокзалов. Датой сдачи чемоданчика должно быть, несомненно, то утро, когда, побоявшись оставить чемоданчик у двоюродной сестры, Дегтярев и Трофимов вернулись из Кунцева.

Так началось обследование камеры хранения ручного багажа Белорусско-Балтийской железной дороги.

По записям на 9 июня, то-есть на день возвращения из Кунцева, значилось сто четырнадцать мест, сданных пассажирами для хранения. Первый дачный поезд Одинцово — Москва приходит по расписанию в 6.15 утра. Поезд дальнего следования из Минска — Орши — Смоленска — в 10.20 утра. Багаж сдают обычно пассажиры поездов дальнего следования, значит, основная приемка багажа должна была начаться между 10 и 11. Но до прихода первого поезда дальнего следования имелось уже восемь мест, сданных до 10 часов утра пригородными пассажирами. Два из этих мест оказались чемоданами большого размера, одно — тяжелым сундуком, остальные были выкуплены. В действиях бывалых преступников обычно надо всегда учесть их логику: они предпочли бы, несомненно, отдаленный вокзал этому шумному, к тому же на пути их возвращения в Москву, перекрестку. Но случилось, что и самый неопытный и растерянный человек бессознательно совершает сложнейшие ходы. Чемоданчика, размером не более патефона, в камере хранения Белорусско-Балтийской железной дороги не оказалось. Не оказалось его и в камерах прочих московских вокзалов.

Но зато в скупочном пункте на одном из рынков Москвы, при просмотре приемных квитанций на 9 и 10 июня, сотрудник уголовного розыска Ярцев нашел пару дамских туфель бежевого цвета, совершенно новых, ни разу не надетых, отданных с явным убытком для владельца за 140 рублей. При сдаче обуви предъявлен был паспорт на имя

Неонила Петровна Семеновой, проживающей по Московской улице в городе Кунцево, дом № 3.

Был седьмой час вечера, и Москва затихала. Улицы, политые на закате, еще просыхали. Где-то на репетиции музыкантской команды меланхолически и протяжно играл трубач. Валторна напоминала о полях, о походах. За плечами инспектора, за окном первого этажа, синевато, еще полный тепла заходящего солнца, лежал вечер. Инспектор выжидал и не торопил с ответом. Человек, сбившийся с пути, должен быть возвращен на основную дорогу жизни. Его ожидало не безнадежное осуждение, как некогда. И разговор в этот вечерний час шел тоже не следовательский, а как бы сближающий. На самом деле, был ли неисправимым преступником этот паренек с бегающими коричневыми глазами, с его сложной и получившей повреждение еще в детские годы биографией? Он был ясен весь, со своей неискусной и патетической лживостью, суетливыми движениями, которыми прикрывал он растерянность, с малым горизонтом воображения, открывавшим ему какие-то невиданные и обольстительные перспективы жизни, вечный праздник, осуществление самых неосуществимых желаний на те тридцать две тысячи (заколдованных, взятых и все же не давшихся) рублей, от которых со всей силой хотел теперь он избавиться! Проснуться бы так, чтобы все это темное дело оказалось только страшным и тяжелым сновидением. Но деньги были взяты, они лежали где-то, припрятанные до времени, и их нельзя было вернуть, минуя откровенное и полное признание перед этим, добывающим его железной и неопровержимой логикой, человеком.

Инспектор ждал. Профили на блокаде перед ним накапливались, — он казался углубленным в свое рисование. Молчание оказалось не в меру долгим.

— Послушайте, Дегтярев, — сказал он наконец. — Неужели вы думаете, что советская власть, которая вас вырастила, бесплатно учила, вывела на

дорогу, — неужели вы думаете, что она заинтересована в том, чтобы сделать вас бесполезным для общества, изъять из этого общества, лишить надежды на возвращение? Вы сами знаете, что это не так. На самом деле, кто вы — враг советской власти или только заблудившийся человек? Подумайте над этим, Дегтярев — Он говорил мягко, почти задушевно. — Захотите отпираться, лгать, вводить нас в заблуждение, — это будут уже поступки врага, а не только ошибка слабого или соблазненного человека.

В комнате было полутемно, и голос звучал отечески. Дегтярев вдруг покраснел. Минуту спустя легким движением руки он вытер со лба пот.

— Мне не в чем признаваться, — сказал он упрямо. — Я денег не брал.

— Хорошо. В таком случае, я расскажу за вас все, как было. Абсолютно всё, Дегтярев. До малейших подробностей. — Рука чиркнула по коробку, затеплился огонек папироски. — 8 июня, между половиной первого и двумя часами дня. — сказал он, как бы читая, — вы, Николай Дегтярев, совместно с вашим товарищем Сергеем Трофимовым, еще с прошлого года припрятав потерянный от несгораемого шкафа ключ, под предлогом подвески лозунгов в учреждении приперли лестницей дверь от помещения, где находится касса. Чтобы кассирша не сразу хватилась, что в кассе недостает денег, и чтобы подозрение пало прежде всего на нее, вы, во-первых: сохранили печать, перерезав веревку позади шкафа и затем весьма искусно ее связав, во-вторых, забрали только часть денег. Деньги вы вынесли в тот момент, когда уборщица разносила чай. Вынесли их именно вы, потому что Трофимов был в это время дежурным по внутренней охране и оставался в помещении до 12 ночи. В тот же день вы внесли на вашу сбежничку, Дегтярев, пятьсот двадцать рублей, — допущаю, что это были ваши личные деньги, потому что накануне этого дня вы получили зарплату вместе с отпускными. Кроме того, в этот же день в универмаге вами были

куплены две пары мужской обуви и одна пара — дамской. Дамскую пару обуви вы купили на всякий случай, но в предвидении следующего: размышляя, где бы надежнее спрятать эти деньги, вы вспомнили о двоюродной сестре Неониле Петровне Семеновой, проживающей в Кунцеве. Так как вы ее не видели лет шесть или семь и даже не знали, как она вас встретит, вы заранее приготовили для нее подарок, именно туфли, которые вы увидели в универмаге. Вы и купили эти туфли — не жалея, как говорится, расходов — за 230 рублей. На самом деле, что тут считать деньги, когда дома под тюфяком или под кроватью целых тридцать две тысячи рублей!

Он помолчал. Дегтярев слушал. Только рука вторично отерла лоб, — ему было, несмотря на вечерний час, жарко.

— Итак, в 12 часов ночи вернулся с работы Трофимов. И вы сейчас же собрались в дорогу. В чемоданчике Трофимова... вот этаким, такого размера... — он точно обозначил руками размер чемоданчика, — вы вынесли деньги и направились на Арбатскую площадь, чтобы нанять такси в Кунцево. Шофер вас сначала везти не хотел, но вы его уговорили, и он вас повез. Видите, как я за вас все в совершеннейшей точности излагаю, Дегтярев! — Он поглядел на него. Тот молчал. На его опущенном лбу обозначилась синяя жила. — В Кунцеве вы разыскали дом двоюродной сестры, напугали ее своим неожиданным и поздним появлением, но объяснили, что долго искали дом. Тут вы начали разговор насчет того, что уезжаете на несколько лет на Камчатку и что приехали к ней, двоюродной сестре, чтобы оставить у нее некоторые вещи, которые не хотите брать с собой. Сестра сначала удивилась, потом согласилась принять их от вас на сохранение. Тогда вы, как говорится, в порыве чувств, подарили ей купленные вами накануне дамские туфли и пятьдесят рублей денег. Впрочем, Семенова на другой же день, боясь быть втянутой в какую-то не очень хорошую, видно, историю, поспешила продать их на скупочном пункте. Но в доме сестры, Дегтярев, вам

пришлось столкнуться с непредвиденным фактом: муж вашей двоюродной сестры оказался несколько месяцев назад за разные дела арестованным. Как тут быть? Оставлять деньги — тревожно и небезопасно, мало ли что может случиться в этом ненадежном доме! Значит, остается увести их с собой и постараться найти более удобное место. И вы так и поступили, то-есть увезли с собой деньги обратно в Москву. Куда вы девали потом этот чемоданчик, Дегтярев? — спросил он вдруг в упор.

Дегтярев не ответил. Окно синело, из углов текли сумерки.

— Куда вы девали потом этот чемоданчик, Дегтярев? — повторил он.

— Может быть, у Сережки был чемоданчик... у меня чемоданчика не было, — пробормотал тот наконец.

— Ну зачем вы противоречите сами себе, забываете свои показания? На прошлом допросе вы показали, что чемоданчик у вас с собой был... что в нем находились какие-то лекции или книги.

— Да, да... Сережкины лекции и книги, это верно, — оживился тот. — Такой чемоданчик был.

— Значит, был чемоданчик? А где он теперь?

— Я этого не знаю. Чемоданчик Сережки.

Он опять отер пот. Запирательство было бессмысленное, противоречивое, он это понимал. Все — от самого начала, как спрятали утерянный ключ, весь порядок их действий в течение двух дней с момента, когда была обнаружена пропажа денег, — все знал этот неторопливый, спокойный и сидящий на висках человек.

— Так как же, Дегтярев? — спросил инспектор затем. — Заблудились, ушли в сторону от жизни, — имейте мужество в этом сознаться. Вы ведь не какой-нибудь неисправимый преступник... и советская власть тоже не чувствует вас своим врагом. В данном случае она вам хочет помочь. Помочь вернуться на дорогу жизни. Конечно, ответственность вы должны понести, но это только поможет вам исправиться. Сделаетесь снова полезным, нужным

человеком для общества. Это в ваших руках, Дегтярев, решайте сами.

Он ждал. Давно уже привык он к тому, что на этом вытертом стуле сидят в большинстве случаев отклонившиеся в сторону, подверженные колебаниям люди, те неокрепшие молодые характеры, которые так легко поддаются соблазнам, дурным влияниям, авторитету более сильных и преступных натур. Он знал и эти преступные натуры, которые сами по себе вымирали, истреблялись здоровыми инстинктами, ростом сознания людей. Все меньше таких неисправимых появлялось перед ним в этой комнатке, свидетельнице не одной человеческой исповеди.

— Я говорить ничего не стану... пускай Сережка говорит, — сказал Дегтярев почти с отчаянием.

— Что же вы думаете, Сережка за вас будет решать вашу жизнь? С Сережкой у нас свой разговор, он вас не касается. Вы ведь комсомольцем, кажется, были, Дегтярев? — спросил он еще, как бы мельком.

Тот не ответил. Рука все чаще отирала со лба пот. Там, за спиной этого, почти рассказавшего ему, Дегтяреву, всю последовательность его поступков и чувств, человека, — позади нее лежала жизнь. За решетками окна мир шумел, двигался, устремлялся куда-то в теплоту июньского вечера. Зачем он, Дегтярев, нашел когда-то этот ненавистный, сразу обжегший его руку ключ от несгораемого шкафа? Все было бы отлично, все шло бы своим путем, он бы учился, — может быть, в каком-то поезде дальнего следования, потом на пароходе, ехал бы на Камчатку или еще куда-нибудь, полный надежд... Нет, он ключа не вернул, ключ вдруг как-то скользко увел его в сторону, и вот он, Дегтярев, сидит сейчас здесь, в этой комнате, перед столом, на котором лежат листки его показаний, противоречивых, путанных, невнятных, омерзительных ему самому их необдуманной ложью, попыткой сбить с пути, затереть следы, разыграть обиженное благородство. Но шаг за шагом распутывается его жизнь. Он сейчас голый, в позорной обнаженности, ему нечем прикрыться. Все сня-

то с него, остались стыд, горькое чувство безнадежности и непоправимости, Автомобиль с легким летучим криком сирены пронесся за окном.

— Все равно, вы меня осудите, — сказал Дегтярев вдруг, — признаюсь я или нет... все равно, не поверите.

— Нет, если признаётесь, то поверю. Если будете заператься, не поверю.

— А в чем мне признаваться?

— Скажите, куда вы девали чемоданчик с деньгами. Где чемоданчик?

— Пускай Сережка отвечает, — сказал тот, глядя в сторону. — Почему я один должен отвечать? Дайте мне с Сережкой свидание!

— И Сережка ответит в свою очередь. А сейчас вы отвечайте, — спрашивают вас, Дегтярев.

— На пять лет, поди, засудите. — Он усмехнулся невесело. — А я учиться хочу.

— И будете учиться, Дегтярев. Даю вам слово, что будете учиться и станете еще полезным человеком... а это все забудется — советская власть не злопамятна.

Всем своим чутьем, опытом в наблюдении за поступками людей он знал, что сейчас последует признание. Вот только этой маленькой последней зацепочке соскочить — и тогда последует полное, взволнованное и даже словообильное признание. Надоело заператься, играть в эту игру, каждую минуту срываться и опровергать себя, когда, все равно, все потеряно.

— Я жду, Дегтярев. — сказал голос в полутьме, света все еще не зажигали, свет рассеял бы, спугнул сосредоточенность человека.

— Ладно, скажу... чего уж тут! — И Дегтярев вдруг заерзал, махнул рукой. — Только дайте мне слово, товарищ начальник... дайте мне слово, что смогу я учиться... так, ведь, ни за что, пропадать не хочется. Я, ведь, в комсомоле был, и на общественную работу выдвигали... беспризорничал я, конечно, в свое время, но все-таки выбрался и семилетку кончил, добился кое-чего. Дайте мне слово, товарищ начальник... ну, там покараете, взыщете, отбуду срок, я против этого ничего не го-

ворю... а только потом чтобы не пропасть, а учиться. Я, может, еще наверстаю... мы ведь с Сережкой на электриков готовились, я по монтерному делу спец. — Опять пропел, захлебнулся автомобиль за окном. — У сережкиной тетки, на Каланчевской улице, деньги... адрес вам Сережка сообщит.

Голос его вдруг прервался, он вскрикнул. Минуту он плакал, закрыв лицо рукой. Тогда человек встал из-за стола и подошел к нему.

— Вы будете еще полезным человеком, Дегтярев, — сказал он, коснувшись его плеча. — И будете учиться, и станете техником и инженером... даю вам слово. И дело это позабудется, и сами вы залечите его хорошей работой.

Потом он отошел от него и вернулся за свой стол. Дегтярев еще плакал, но всхлипы становились реже, отчаяние проходило, наступало чувство облегченности, освобождения, — широкое и ни с чем несравнимое чувство возвращения в жизнь.

ХІ

Кассиршу Елену Ивановну, постаревшую, утратившую былую осанку за эту неделю испытаний, вызвал к себе инспектор уголовного розыска. Она явилась, пучок ее седых, обычно со старомодной тщательностью зашпиленных волос едва держался, пенсне как будто поминутно потело, его приходилось протирать.

— Садитесь, Елена Ивановна, — ска-

зал инспектор, и она села. Она была еще величественна — чистая перед своей совестью, но руки, которыми она протирала пенсне, слегка дрожали. — Вы помните, в каких купюрах были деньги, похищенные у вас из кассы? — спросил инспектор затем.

— Да, помню. Это было несколько пачек с бумажками достоинством в пять червонцев... две пачки были с бумажками достоинством в десять червонцев. Я положила их под самый низ и поэтому не сразу хватилась.

В углу, справа от стола, стоял несгораемый шкафчик. Инспектор, не поднимаясь с кресла, повернул его ручку и открыл дверцу. Потом он достал из шкафчика фибровый чемоданчик с металлическими углами и тугим, как обычно, неисправным замком. Не смог и он открыть его сразу. Наконец он открыл крышку, оклеенную изнутри синеватой бумагой.

— Проверьте деньги, Елена Ивановна, — сказал он коротко. — Как видите, все опасения, что это может набросить на вас какую-то тень, оказались напрасными. Прошу вас, проверьте их и распишитесь в том, что вами получены от меня тридцать две тысячи рублей, похищенные 9 июня из кассы вашего учреждения.

Он мог бы добавить, что это не только возвращение денег, а и возвращение заблудившегося человека на потерянный путь, — но это лежало за пределами их разговора.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
РЕЧЬ ТОВ. МОЛОТОВА ПРИ ОТКРЫТИИ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ	5
Петр СЕВЕРОВ — Доверие, повесть	10
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ — Два стихотворения	65
Эдуард САМУЙЛЕНКО — Будущность, роман, перевод с белорус- ского, продолжение	66
Ник. КОСТАРЕВ — Плен, рассказ	103
Вилли БРЕДЕЛЬ — Комиссар Рейнской армии, перевод с немецкого	121
Степан ЩИПАЧЕВ — Седина, стихотворение	142
Николай СИДОРЕНКО — Музыка, стихотворение	143
Геннадий ФИШ — Вредная черепашка и теленорм	144
Фед. МАЛОВ — Пламенная Хохлома, очерк	169
Вл. ЛИДИН — Дело №	181

Б. КУЗНЕЦОВ — Коммунизм и техника будущего	200
--	-----

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

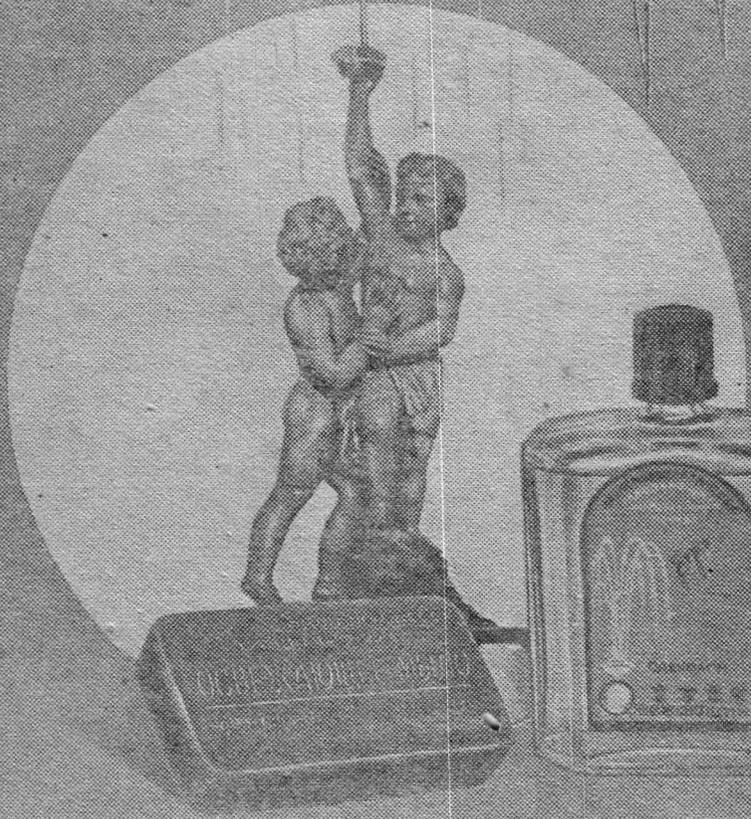
И. НОВИЧ — Н. Г. Чернышевский	213
Акад. И. ЛУППОЛ — А. М. Горький и мировая литература	244
Мариэтта ШАГИНЯН — Мои встречи	258
Г. ЛЕНОБЛЬ — Три статьи Е. Усиевич	261

БИБЛИОГРАФИЯ

А. КОЛОСКОВ — Эдуард Багрицкий, как поэт и гражданин	280
Мих. БЕККЕР — Лирика, сатира и фельетон Вас. Лебедева-Кумача	283

Наркоуправление СССР
Табачный завод

ТРИКО

Молоко и сок лимона

ОСВЕЖАЮЩИЕ